A 119
504

504.

2007059694

Лекціи по исторіи русскаго законодательства

И. Д. Бѣляева. Москва, 1879 года.

Если судить по количеству печатныхъ обозрѣній исторіи русской культуры XIX в., особенно относительно 30-хъ и 40-хъ годовъ, то слѣдовало бы заключить, что эта исторія сдѣлала уже у насъ значительные успѣхи. Но, говоря строго, мы не имѣемъ такой исторіи въ надлежащемъ смыслѣ этого слова, отчасти потому, что историческая перспектива, на которую мы ушли отъ того времени, еще недостаточна для полнаго безпристрастія. До сихъ поръ вмѣсто исторіи тѣхъ временъ, мы получаемъ почти полемическія сочиненія; авторы ихъ схватываются за прошедшіе факты, какъ за новое орудіе въ старой борьбѣ. Раны, когда-то нанесенныя противниками другъ другу, раскрываются вновь; отрождаются прежнія антипатіи и симпатіи; жизнь мѣшаетъ уложить фактъ въ спокойныя пластическія формы.

Между тѣмъ время дѣлаетъ свое; прежніе борцы одинъ за другимъ сходятъ въ могилу, которая должна бы водворить миръ надъ ихъпрахомъ. Одна изъ такихъ, еще свѣжихъ могилъ скрыла замѣтнаго дѣятеля т. н. славянофильскаго направленія въ области правовѣдѣнія,— И. Д. Бѣляева, автора того посмертнаго труда, которому посвященъ нашъ настоящій этюдъ.

Не находя своевременнымъ входить въ подробную оцѣнку направленія, къ которому принадлежалъ покойный Бѣляевъ, ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями о славянофильствѣ въ области исторіи права, которыя кажутся намъ необходимыми для опредѣленія ученой дѣятельности самаго Бѣляе

Въ 20-хъ годахъ текущаго вѣка совершился повсюду въ Европѣ замѣчательный культурный переворотъ, именно подъемъ національнаго самосознанія во всѣхъ европейскихъ національхъ безъ изъятія. Это возвышеніе національнаго самосознанія повсюду вызвало обращеніе къ собственному историческому прошлому народовъ. То и другое сопровождалось важными результатами въ жизни права и въ наукѣ права. Въ каждой націи явилось стремленіе къ духовной самобытности и независимости ея правовой жизни отъ другихъ націй. Частный примѣръ этого въ русской жизни представляетъ судьба законодательныхъ работъ у насъ въ началѣ этого столѣтія. Коммиссія, работавшая въ 10-хъ годахъ текущаго вѣка, считала возможнымъ руководствоваться почти буквально Наполеоновскимъ кодексомъ; коммиссія, совершившая дѣло въ 20-хъ годахъ, издала Полное Собраніе Законовъ Рос. Исторіи и основанный на немъ Сводъ, въ которомъ сохранились лишь нѣкоторые слѣды Наполеоновскаго кодекса.

Что касается до науки права, то познаніе о правѣ стали преимущественно черпать изъ историческаго прошлаго народа. Отсюда оживилось и усилилось историческое изученіе права. Въ Германіи возникла *историческая школа правовѣдѣнія*, которая совершенно оттѣснила прежнее апріорное философское направленіе.

Изъ всѣхъ европейскихъ націй, славянскія по преимуществу могли жаловаться на предшествующее культурное рабство чужимъ народамъ, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Не касаясь жизненныхъ условій, напомнимъ, что наука XVIII-го вѣка, находившаяся у насъ въ рукахъ ученыхъ нѣмцевъ, утвердила положеніе, что русскій народъ самыми начатками цивилизаціи, государственности и права обязанъ германскому племени (норманскому и собственно-германскому) и что дальнѣйшая жизнь этихъ началъ у насъ возможна лишь при поддержкѣ со стороны того же племени; въ частности: Русская Правда списана буквально съ скандинавскихъ или нѣмецкихъ узаконеній и т. п.

Въ XIX в., славянская наука, признавъ славянъ народомъ культурнымъ,естественно немогла подчиниться приведеннымъ выводамъ и приняла за основное положеніе самобытность государственныхъ формъ и права у славянъ вообще и русскихъ въ частности. Съ этою мыслію о самобытности неизбѣжно соединяется идея о самодѣятельности общества въ творчествѣ государственныхъ формъ.

Эти идеи *самобытности* и *историческаго (самодѣятельнаго) начала въ правѣ* легли въ основу нашего славянофильскаго направленія, которое первоначально отнюдь не составляло еще школы. Оно было только стимуломъ возрожденія науки во всѣхъ краяхъ славянскаго міра, безъ опредѣленнаго круга принятыхъ доктринъ. Ничего замкнутаго, не терпимаго, никакого формализма понятій и обрядовъ въ немъ не было; въ немъ не было и вражды къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в. Къ новому движенію примкнуло у насъ (подобно какъ и въ зап. Европѣ) все энергическое и свѣтлое въ тогдашнемъ обществѣ. Грибоѣдовъ, безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшій и благороднѣйшій представитель тогдашняго общества, исповѣдуетъ (устами своего героя Чацкаго) всѣ основныя положенія славянофильства: отвращеніе отъ культурнаго рабства иноземцамъ, предпочтеніе старины и глубокое уваженіе къ своему народу,— положенія, которыя впослѣдствіи (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) получили отчасти иную окраску.

Послѣдующая судьба, какъ исторической школы въ Германіи, такъ и нашего славянофильства была одинакова. Національныя симпатіи легко могли перейти въ народную гордыню и исключительность, полную неосновательнаго презрѣнія къ другимъ; историческія симпатіи также легко могли преобразоваться въ пристрастіе къ пережитымъ формамъ и въ отрицаніе поступательнаго движенія. Въ томъ и другомъ отношеніи легко было переступить границу дѣйствительныхъ потребностей науки и жизни и незамѣтно слиться съ господствовавшими тогда идеями реакціи. Такое уклоненіе случайное и притомъ совершенно противное первоначальному духу исторической школы (ибо исторія немыслима безъ понятія прогресса) впослѣдствіи признано было за основный характеръ какъ германской исторической школы, такъ и нашего славянофильства. Противники этого направленія въ свою очередь утрируя средства борьбы, ничего не хотѣли въ немъ видѣть достойнаго за реакціонными поползновеніями (иногда мнимыми).

Однако первоначальная основа историко-національнаго направленія, какъ закваска свѣтлой и даже спасительной мысли, которая легла въ его основу, не утратилась и не искажена въ конецъ случайною примѣсью. Да этого и не могло случиться. Традиція здравыхъ истинъ національнаго направленія поддерживалась людьми честныхъ и стойкихъ убѣжденій, если заблуждавшихся, то всегда отъ чистаго сердца, а не подъ вліяніемъ личнаго разсчета. Образцемъ этой честной и безкорыст-

ной прямоты можетъ служить и Ив. Дм. Бѣляевъ въ своей общественной, ученой и профессорской дѣятельности. Въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія совершился, какъ извѣстно, новый поворотъ къ національному принципу въ политикѣ, правѣ и жизни; въ 60-хъ же годахъ и наше славянофильство, вызванное къ новой жизни въ эпоху реформъ, успѣло высказать и даже провести въ жизнь нѣсколько истинъ, лежавшихъ въ его основѣ. Если т. н. западническое направленіе оказало въ эпоху реформъ не мало услугъ поворотомъ русскаго общества къ европейскимъ формамъ, то нельзя отказать и національному направленію въ той долѣ практическихъ услугъ, которая отчасти и будетъ указана въ ученой дѣятельности И. Д. Бѣляева.

Впрочемъ въ 60 хъ годахъ отдѣльнав жизнь національной школы кончается. Истина, выработанная путемъ долгаго опыта, а именно, что общечеловѣческія начала права и цивилизаціи развиваются и совершенствуются лишь въ національностяхъ, а не внѣ ихъ, и при томъ самостоятельнымъ трудомъ каждой національности,—эта мысль стала общепринятою и отняла raison d'etre отъ славянофильства, какъ отдѣльной школы.

Думаемъ, что и главные выводы изъ этой основной мысли также сдѣлались истинами общепринятыми, и между ними на первомъ планѣ то положеніе, что идеалъ государственнаго устройства состоитъ въ гармоніи между обществомъ и государствомъ, что и первое безъ втораго и второе безъ перваго лишены всякой творческой силы въ сферѣ права. Впрочемъ часто забываютъ, что многія, нынѣ уже ходячія истины прежде составляли спеціальное ученіе славянофиловъ, иногда оспариваемое и порицаемое. Да это и не удивительно: потому что сами славянофилы обыкновенно облекали свое ученіе въ неопредѣленныя и нѣсколько мистическія формы.

Таковы общіе принципы и такова общая судьба національно-историческаго направленія среди славянъ.

Въ разныхъ краяхъ славянскаго міра національное направленіе принимало разные оттѣнки, обусловленные мѣстными и временными причинами. Сравнивая напр. кіевское направленіе съ московскимъ, невольно останавливаешься на такомъ знаменательномъ явленіи: въ Кіевѣ Иванишевъ задавался мыслію вывести основныя начала славянскаго права изъ сличенія правъ разныхъ славянскихъ народностей, какъ равныхъ другъ другу. Московское направленіе стремилось или вовсе

обойтись безъ сравненій, считая сѣверноруссвія формы жизни и права за совершеннѣйшій типъ славянскаго права, или прибѣгало къ сравненіямъ лишь для доказательства этой послѣдней мысли. Притомъ за полное и совершенное выраженіе русскаго, а слѣд. славянскаго типа права признаваемо было московское право. Самымъ примитивнымъ образомъ выразилъ это направленіе Ѳ. Л. Морошкинъ, который переводя „Опытъ исторіи россійскихъ законовъ“ Рейца, упрекаетъ переводимаго имъ автора, что онъ, какъ нѣмецъ, а не житель московскаго государства, не имѣетъ „того ударенія мысли, которое дается живымъ ощущеніемъ народности“, и „не чувствуетъ сродства между читателемъ и героями минувшихъ лѣтъ“, „что ему непонятна чистая московская природа съ ея здравымъ смысломъ, съ ея непроницательностью для всего чужеземнаго,отечеству несроднаго.... Однимъ словомъ мы, великій сѣверный народъ, узнаемъ себя только въ жителяхъ московскаго государства“. А потому Рейцъ „не могъ одушевить лѣтописи живымъ сознаніемъ московской правды“. При этомъ о правдѣ только московской говорится преднамѣренно и точно, потому что, по мнѣнію Морошкина, періодъ до Іоанна III есть „періодъ какого-то политическаго безразличія: Русинъ, Варягъ или Колбягъ, Поляне и Древляне для насъ равно не наши“. Такимъ образомъ историкъ стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія древне-областной, московской, не возвышаясь еще до общерусскаго сознанія, и еще менѣе до общеславянскаго.—Подобными же идеями, или точнѣе вдохновеніями проникнута и его „Рѣчь объ Уложеніи“, написанная болѣе подъ вліяніемъ „чувства права“, чѣмъ ясно сознанныхъ понятій; однако справедливость требуетъ сказать, что въ ней есть не мало талантливыхъ догадокъ и предчувствій истины. Вообще Морошкинъ раздѣлялъ судьбу всѣхъ тѣхъ, которые стоятъ еще на порогѣ открытія новой идеи, новаго направленія. Заманчивое будущее полно надеждъ, но покрыто еще таинственною и мистическою загадочностію. Не вступая въ эту область съ хладнокровіемъ изслѣдователя, какъ бы боясь нарушить ея заманчивую прелесть, онъ строитъ о ней догадки путемъ вдохновеній. Широта его взглядовъ обратно-пропорціональна ихъ основательности.

Совершенную противность представляетъ И. Д. Бѣляевъ, натура совсѣмъ прозаическая, обыденная. Въ ту область, въ которую боялся вступить Морошкинъ какъ бы удержанный священнымъ ужасомъ, онъ входитъ, если позволительно такъ выразиться, въ древнерусскомъ ха-

латѣ и, осматриваясь въ ней, находитъ все знакомымъ и рѣшеннымъ. Онъ свой среди древнихъ Дулѣбовъ и Уличей, и въ московскомъ государствѣ чувствуетъ себя совсѣмъ какъ въ пріятельскомъ кругу. Его не мучатъ ни сомнѣнія, ни желаніе прослѣдить ростъ явленія изъ прежнихъ безразличныхъ и даже противорѣчивыхъ формъ. Гдѣ нѣтъ свидѣтельствъ въ пользу его излюбленной мысли, онъ тамъ не стѣсняется подсказать ее лѣтописцу или памятнику и это не кажется ему и дѣйствительно не есть контрфакція, потому что онъ считаетъ гражданъ того отдаленнаго міра, своими ближайшими согражданами; мнѣнія и воззрѣнія ихъ досконально извѣстны ему; по его мнѣнію русскій человѣкъ какъ появился, такъ и остался все тѣмъ же русскимъ человѣкомъ отъ древняго полянина до самого И. Д. Бѣляева, и именно того пошиба, къ какому принадлежатъ русскіе люди, живущіе на Мясницкой и Покровкѣ.

Такимъ образомъ его симпатіи шире симпатій Морошкина; въ нихъ включается весь древне-русскій міръ, а не одно московское государство. Но за то взгляды его несомнѣнно уже взглядовъ Морошкина, что зависѣло конечно отъ разницы личной даровитости обоихъ писателей.

Далѣе большая разница между этими представителями двухъ поколѣній славянофильства объясняется тѣмъ, что И. Д. Бѣляеву пришлось дѣйствовать уже въ иную эпоху, когда уже сама жизнь вытребовала отъ науки отвѣты на самые живые, реальные вопросы и когда и наука въ Россіи стала несомнѣнно выше. Напр. чисто археологическій вопросъ объ общинѣ сдѣлался вполнѣ насущнымъ, при уничтоженіи крѣпостнаго права.

Вообще начало ученой дѣятельности И. Д. Бѣляева относится къ 40-мъ, средина къ 50-мъ и конецъ 60-мъ и къ самому началу 70-хъ годовъ.

Сообразно съ этимъ всю ученую дѣятельность Ив. Д. Бѣляева можно раздѣлить на три періода: 1) до знаменитаго спора о вѣльской общинѣ появленія и его капитальныхъ трудовъ (диссертацій) онъ пишетъ рядъ статей по разнымъ сторонамъ исторіи государственнаго права преимущественнаго мос ой эпохи [1]);

---

[1]) Вотъ перечень главнѣйшихъ изъ нихъ: 1) „о русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ В.“. Изд. М. Об. Ист. о Др. Рос. М. 1849. 2) „Очеркъ

2) съ наступленіемъ новаго царствованія и приготовленія къ великимъ реформамъ поднялся извѣстный споръ въ ученой литературѣ о сельской общинѣ въ виду практической важности вопроса при наступавшемъ уничтоженіи крѣпостнаго права. Съ этого времени, т. е. 1856 года появляются самыя цѣнныя его монографіи, статьи и диссертаціи: „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія ц. А. М." 1858 и „Крестьяне на Руси", изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ" М. 1860. Что касается до полемическихъ статей объ общинѣ предварившихъ эти изслѣдованія, то достаточно замѣтить, что онѣ появлялись въ Русской Бесѣдѣ и были направлены противъ Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева [1]).

исторіи древней монетной системы на Руси" Чт. М. Общ. ист. и Др. Рос. 1846, № 31. 3) „О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ московскаго государства до царствованія Алексѣя Михайловича" (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1846, № 4, очень цѣнное изслѣдованіе. 4) „О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ" (Москва 1848 №№ 1, 2, 5, 7 и 9 и Времен. Об. И. и Др., кн. XI). 5) „Дружина и Земщина, жители московскаго государства". (Врем. Общ. Ист. и Др. Рос. 1849, кн. I) „Служилые люди" (ibid. III). 6) „Русская земля предъ пребытіемъ Рюрика въ Новгородъ (ibi[illegible] н. VIII). 7) „Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною", (ibid. кн. XIV). 8) „Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика" (ibid. XV). 9) „О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ ханскихъ я[illegible]кахъ" (Архивъ ист.—юрид. свѣд. о Рос., изд. Н. Калачевымъ кн. I, М. 1850). 10) „Служилые люди въ московскомъ государствѣ, а въ послѣдствіи дѣти боярскіе" (Москов. Сборникъ, Т. I. М. 1852). Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси (Чтенія въ Об. ист. и Др. 1846 № 3). 11) „Били ли на Руси монету до XIV ст.?" (Зап. Археол. Общ. 1853, т. V, вып. 2—3)". 12) „Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскія законе"? (Въ книгѣ: „Воспоминаніе 12 янв. 1855 г." М. 1855). 13) Русское общество отъ кончины Петра В. до Екатерины II (Библ. д. Чт. 1865, № 3).

[1]) 14) „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Соч. Б. Чичерина". (Русск. Бес. 1856 г. кн. I.). 15) „Споръ о сельской общинѣ С. Соловьева" (Русск. Бесѣда. 1856 г. кн. IV). 16) Сюда же относится: разборы сочиненій г. Лешкова („Русскій народъ и государство, исторія русскаго общественнаго права". (Отчетъ 3-го присужденія Уваровск. наградъ), Иванишева (Р. Бес. 1857, III), Погодина (1858 г., I Лохвицкаго (16)·

Безспорно важнѣйшій изъ всѣхъ его трудовъ есть „Крестьяне на Руси“, явившійся въ то время, когда предстоявшая крестьянская реформа ждала пособій и указаній отъ науки для разрѣшенія дѣла,— разрѣшенія не только болѣе практичнаго, но и болѣе согласнаго съ историческою справедливостью. Слѣдуетъ думать, что работа И. Д. Бѣляева не прошла безслѣдно въ сознаніи тогдашнихъ общественныхъ и правительственныхъ дѣятелей. Въ сочиненіи своемъ авторъ старался доказать, что крестьянамъ не только принадлежитъ земельный надѣлъ по историческому праву, но что этотъ надѣлъ долженъ быть данъ на началахъ общинныхъ. Съ самыми понятіями Бѣляева объ общинѣ въ ея историческомъ развитіи мы познакомимся ниже.

3) Въ 60-хъ годахъ, ученая дѣятельность Бѣляева склоняется къ изложенію русской исторіи (бытовой и правовой) въ ея цѣлости. Правда къ этому же времени относится не мало отдѣльныхъ статей его, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ [1]); но главное вниманіе автора съ 1861 г. было обращено на его большое предпріятіе—„Разсказы изъ Русской Исторіи“; оно занимало автора въ теченіи 10 лѣтъ, до самой его смерти. Основная мысль этого труда заключается въ томъ, что до возникновенія московскаго государства нельзя излагать исторію Руси, какъ единаго государства, каковымъ она и не была въ то время, что исторія того времени должна состоять изъ ряда исторій нѣсколькихъ самостоятельныхъ русскихъ государственныхъ формъ, слившихся лишь впослѣдствіи въ два русскихъ государства. Эта мысль недостигла у нашего автора полной зрѣлости и отчетливости (какъ увидимъ и при разборѣ „лекцій“); время до XIII в. онъ изображаетъ въ одномъ общемъ разсказѣ о Русской Землѣ, какъ будто единомъ цѣломъ [2]). Но за то потомъ онъ начинаетъ слѣдить за судьбою отдѣльныхъ госу-

---

17) „О круговой порукѣ на Руси“ (Русск. Бес. 1860. № 2, 18) „О вызовѣ въ судъ по древнимъ законамъ до Улож. 1849“ (Журн. Мин. Юст. 1860 № 2).

[1]) 19) „О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину“ (Юрид. Журн, 1861, кн. 7, 8, и 9). 20) „Земскіе соборы наРуси“, рѣчь на актѣ москов унив. М. 1867. Статьи о древнемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ появлялись въ виду готовившейся реформы (предъ изд. Уставовъ 1864).

[2]) „Разсказы изъ Русской исторіи“, кн. 1-я, М. 1861 г. 2-е изд. безъ перемѣнъ М. 1865 г.

дарствъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ; именно издаетъ исторію Новгорода [1]), Пскова и Полоцка [2]), около котораго онъ хотѣлъ сгруппировать всю исторію литовско-русскаго государства (мысль, которую нельзя назвать удачною). За тѣмъ, по плану автора, слѣдовало также изложить исторію прочихъ русскихъ государствъ: Рязани, Твери, чтобы, какъ онъ словесно выражался, обойдя со всѣхъ сторонъ Москву, съ большимъ успѣхомъ изобразить значеніе москов. государства, какъ суммы предшествующихъ ему государственныхъ формъ. Но смерть пресѣкла исполненіе этого замысла и въ „Разсказахъ" мы во всякомъ случаѣ не имѣемъ полнаго изображенія русской исторіи съ точки зрѣнія славянофильской.

Бѣляевъ былъ болѣе историкомъ, чѣмъ юристомъ; всѣ его симпатіи лежали на сторонѣ археологическихъ разысканій, хотя слѣдуетъ замѣтить, что и въ этой сферѣ онъ не могъ стать образцовымъ мастеромъ дѣла; ему не доставало того уваженія къ факту, какъ факту, которое столь необходимо археологу—изыскателю [3]).

Юридическія понятія покойнаго профессора не точны, а иногда и неправильны, особенно же понятія, относящіяся къ гражданскому праву. Такою неточностію понятій отличаются особенно его взгляды на право наслѣдства, на давность (на что указываетъ самый поводъ къ появленію статьи о давности, при празднованіи столѣтняго к[illegible]ея

---

[1]) „Разск. изъ Русской Исторіи" кн. 2-я, исторія Новгорода Великаго отъ древнейшихъ временъ до паденія" М. 1864. (Книга дѣлится во перв. на разсказы, которыхъ 12, во втор. на двѣ половины: 1) Строй жизни В. Новгорода (правовая часть); 2) „Жизнь Новгорода В." (бытовая часть).

[2]) Разсказы ивъ Русск. ист., „кн. 4-я, часть 1 я. Исторія Полотска или сѣверо-западной Руси до Люблинской уніи". М. 1872 (книга заключаетъ въ себѣ лишь 1-ю часть исторіи сѣв. зап. Руси, а именно „Строй жизни Полотска и в. кн. Литовскаго", 2-я часть должна была заключать въ себѣ фактическую исторію С.-зап. Руси).

[3]) Для библіографической полноты укажемъ здѣсь его болѣе важныя сочиненія и статьи, не относящіяся къ исторіи права: „Тысячелѣтіе Россіи" (День, 1862 г. № 12). „ Св. Владиміръ Равноапостольный, вел. князь всея Руси (980—1014)". (Душеполезное чтеніе. 1864, № 7). „Михаилъ Александровичъ, вел. князь тверской (1333—1399)" (Чтен. въ общ. ист. и др. 1861 № 3). „Положеніе русскаго общества въ царствованіе Михаила Ѳедоровича". Казань. 1862 (изъ Учен. зап. казан. унив.). „Русское общество при царѣ

московскаго университета) на право собственности (Бѣляевъ, въ статьяхъ объ общинѣ постоянно смѣшивалъ общинное владѣніе съ общею собственностію). Съ этимъ недостаткомъ намъ придется встрѣтиться въ разборѣ его „Лекцій", къ которому и перейдемъ.

Алексѣѣ Михайловичѣ и его преемникахъ до самодержавія Петра". (Зритель 1862, №№ 19 и 20). „Разсказы изъ русской исторіи" (Народное чтеніе 1860, № 2). „Русскія лѣтописи по лавр. списку". (Врем. кн. II). „Даніилъ м. московскій". (Историч. чт. о языкѣ и словесности, II-го отд. Ак. н., 1857 г.) „В. кн. Константинъ Всеволодовичъ" (Врем. кн. III). „В. кн. Александръ Ярославичъ Невскій" (Врем. кн. IV). „О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей". (Врем. кн. V). „Хронологія Нестора и его продолжателей". (Чт. въ общ. ист. и др. 1846, № 2). „О Несторовой лѣтописи". (ibid. № 5). „О хронологіи И. В. Хавскаго". (ibid. 1847 № 4). „Отношеніе при днѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ" (ibid. 1848. № 7). „Много ли правды въ „Правдѣ москвичамъ о Руси". (День. 1862. № 1 и еще въ № 21 того же года). „Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи московскаго учебнаго округа". (Москов. Вѣдом. 1864, № 17—18). „О великорусскомъ племени". (Сборн. антропол. статей о Россіи, изд. В. А. Дашковымъ. Т. I. 1868). „О скоморохахъ" (Врем. кн. XX). „Новгородъ В. до Рюрика" (Зритель 1862. № 32). „Новгородъ при Александрѣ Невскомъ и его братьяхъ" (Зритель 1862. № 43—44). „Памятники русскаго церковнаго законодательства (Стоглавъ и наказные списки по Стоглаву"). (Православн. Обозр. 1863 № 7). „Историч. документъ о гимназіи при Петрѣ". (День, № 15). „Церковь и духовенство въ древнемъ Псковѣ". (Чт. въ общ. любит. дух. просв. 1863). „Полоцкая православная церковь до Брестской уніи". (Православное Обозр. 1870, № 1, 2). „Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи" (Времен. общ. ист. и др. Рос. кн. XXII).

Нельзя забыть также издательскую и редакторскую дѣятельность Бѣляева, который въ свое долгое секретарство въ обществѣ исторіи и древностей издалъ во „Временникѣ" этого общества множество памятниковъ московской эпохи большей или меньшей важности. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ памятниковъ онъ присоединялъ предисловія, инода представляющія цѣнный сводъ данныхъ, сообщаемыхъ въ издаваемомъ памятникѣ. Его извѣстнѣйшее и м. б. наиболѣе цѣнное изслѣдованія: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ" также первоначально явилась въ видѣ предисловія къ писцовой книгѣ. Но самая важная его издательская заслуга есть изданіе Литовскаго Статута всѣхъ трехъ редакцій.

Лекціи И. Д. Бѣляева называются „Лекціями по исторіи русскаго законодательства“ и судя по этому заглавію, должны заключать въ себѣ только исторію законодательныхъ памятниковъ (т. н. внѣшнюю исторію права). Но въ дѣйствительности изданный нынѣ курсъ далеко выходитъ за указанные предѣлы. Самъ авторъ заявляетъ: „связь между закономъ и внутреннею историческою жизнью народа такъ неразрывна, что ни изученіе законодательства не можетъ быть вполнѣ понятно безъ изученія внутренней жизни народа, на изученіе внутренней жизни—безъ изученія законодательства“ (стр. 1). Правда, изъ этихъ словъ очевидно, что покойный профессоръ не признавалъ правового значенія за явленіями „внутренней жизни“ и обращался къ нимъ лишь ради освѣщенія исторіи законодательства. Но эта внутренняя жизнь, о которой онъ говоритъ, есть ничто иное, какъ исторія государственнаго права, почерпнутая не изъ законодательныхъ памятниковъ. Она находитъ довольно просторное мѣсто въ лекціяхъ И. Д. Бѣляева. Исторія каждаго періода открывается довольно обширнымъ обзоромъ политическихъ событій. Особенно пространенъ очеркъ исторіи Суздальской земли (и Московскаго княжества). Затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы о князѣ, дружинѣ и земщинѣ. Сюда же (довольно страннымъ образомъ) присоединяются замѣчанія о доходахъ князей и дружинниковъ, т. е. то, что мы назвали бы исторіею финансоваго права, если бы тутъ не фигурировали частныя средства содержанія князей и дружинниковъ, въ родѣ торговыхъ занятій и пр. Сюда же входятъ (еще болѣе страннымъ образомъ) замѣтки о поземельномъ владѣніи, что даетъ неожиданное и притомъ совершенно неправильное освѣщеніе всей исторіи вещнаго права.—Указанные отдѣлы курсамы могли бы признать исторіею верховной власти и сословнаго права, если бы точка зрѣнія на эти предметы самого автора не была совершенно другая, отъ чего и происходитъ упущеніе существенныхъ во-

---

Для будущихъ издателей полнаго собранія сочиненій И. Д. Бѣляева, слѣдуетъ замѣтить, что въ библіографическихъ указателяхъ постоянно смѣшиваются сочиненія И. Д. Бѣляева съ сочиненіями другаго Бѣляева—Ильи, его современника и занимавшагося нерѣдко однородными вопросами. См. напр. у Межова №№ 843, 1889 и 2047, а сомнительные: 2040, 2075. Особенно часто приписывается И. Д. Бѣляеву весьма цѣнныя сочиненія Ильи Бѣляева „Наказные списки Стоглаву“. Смѣшеніе тѣмъ возможнѣе, что Ив. Дм. Бѣляевъ также писалъ о Стоглавѣ и наказныхъ спискахъ по поводу этого сочиненія Ильи Бѣляева.

просовъ, необходимыхъ въ исторіи верховной власти и сословій. Такъ въ изложеніи княжеской власти вовсе не обращается вниманія на способы пріобрѣтенія и передачи власти (престолонаслѣдія), если не считать нѣсколькихъ строкъ о правѣ престолонаслѣдія въ удѣльную эпоху.

Исторіи административной власти авторъ коснулся только въ 3-мъ и 4-мъ періодахъ.

Остальныя стороны исторіи права также находятъ мѣсто въ „Лекціяхъ“, но мѣсто, совершенно имъ не свойственное, а именно онѣ прилагаются въ исторіи законодательскихъ памятниковъ, при разборѣ содержанія этихъ послѣднихъ. Такъ какъ законодательные памятники содержатъ въ себѣ постановленія процессуальнаго уголовнаго и гражданскаго права, то авторъ и касается ихъ при пересказѣ содержанія памятниковъ. Очевидно, что при такой системѣ нѣтъ никакой возможности водворить какой либо историческій порядокъ въ изложеніи ихъ,— и читатель никакъ не въ состояніи составить себѣ связное представленіе объ историческомъ движеніи какого-либо изъ трехъ важнѣйшихъ отдѣловъ права.

Таково воззрѣніе П. Д. Бѣляева на содержаніе науки и ея методъ: мы имѣемъ въ его лекціяхъ замѣтки о княжеской власти и населеніи, а затѣмъ подробный пересказъ содержанія законодательныхъ памятниковъ.

Планъ его „Лекцій“ также не отличается большими достоинствами. Авторъ дѣлитъ всю исторію русскаго права на четыре періода. Раздѣленіе это основано не на физисахъ внутренняго развитія права, а „на различныхъ элементахъ, которые время отъ времени втекали въ жизнь русскаго общества“ (стр. 3). Въ дѣйствительности же оказывается, что такое раздѣленіе преимущественно основано на появленіи важнѣйшихъ памятниковъ законодательства, именно Русской Правды, Судебника и Уложенія. Къ этому авторъ лишь пріурочиваетъ привнесеніе различныхъ элементовъ внѣшнихъ. Такъ какъ первымъ изъ такихъ внѣшнихъ элементовъ былъ варяго-русскій-скандинавскій, а вторымъ византійско-христіанскій, то И. Д. Бѣляевъ и отдѣляетъ до христіанскую эпоху въ особый 1-й періодъ. 2-й простирается отъ принятія христіанства „до соединенія сѣверовосточныхъ русскихъ княжествъ съ Москвою, а западныхъ съ Литвою“; въ послѣдствіи оказывается, что моментомъ окончанія 2-го періода признано именно изданіе 1-го судебника. Но въ срединѣ этого пятивѣковаго промежутка времени случилось, какъ

извѣстно, событіе громадной важности—завоеваніе татарское, именно одинъ изъ такихъ внѣшнихъ элементовъ, привтеченіе которыхъ, по мнѣнію Бѣляева, должно означать наступленіе новаго періода. Хотя онъ не создаетъ изъ татарской эпохи особаго періода, но за то татарскимъ нашествіемъ дѣлитъ второй періодъ на двѣ половины, или „Раздѣла“. Изъ содержанія исторіи ихъ оказывается, что эти раздѣлы ничѣмъ не разнятся отъ періодовъ кромѣ имени.

До какой степени неловко указанъ конецъ втораго періода въ эпохѣ Ивана III, показываетъ то обстоятельство, что авторъ начинаетъ обзоръ третьяго періода не съ XVI в., какъ полагалось бы по его схемѣ, а съ первыхъ темныхъ преданій объ основаніи гор. Москвы и затѣмъ подробно излагаетъ исторію суздальской земли въ X, XI, XII, XIII, XIV и XV вѣкахъ. Здѣсь безпорядочность изслѣдованія явилась естественнымъ возмездіемъ за неправильно постановленный планъ. Мы уже имѣли случай говорить (въ разборѣ сочиненія г. Загоскина), что т. н. монгольская эпоха должна быть отнесена не къ предшествующему періоду, а къ исторіи права московскаго и литовско-русскаго государствъ.

Третій періодъ оканчивается изданіемъ Уложенія ц. А. М. „Здѣсь внутренняя народная жизнь проявляется въ борьбѣ съ наплывомъ новыхъ идей западно-европейскаго образованія“—(стр. 5). Не нужно говорить, что долгое царствованіе Алексѣя никакъ не можетъ быть отнесено къ эпохѣ реформъ. Бѣляеву хотѣлось совмѣстить (какъ сказано) раздѣленіе періодовъ по важнѣйшимъ памятникамъ законодательства съ раздѣленіемъ ихъ по важнѣйшимъ направленіямъ самаго права, что и не удалось ему вполнѣ, какъ относительно третьяго, такъ и относительно четвертаго періода.

Въ указанный планъ, повидимому, должна бы входить и исторія западно-русскаго права (литовско-русскаго государства); но въ книгѣ ея не оказывается.

Указанные періоды разработаны далеко не съ одинаковою симметрическою полнотою. Послѣднему (4-му) періоду посвящены сравнительно немногія страницы, но и тѣ преимущественно заняты изложеніемъ содержанія и исторіи Уложенія ц. А. М. и администраціи во время этого царя, въ чемъ отнюдь не обнаруживаются характерные признаки періода реформъ. Нечего и упоминать, что указанные періоды изложены далеко не съ одинаковымъ сочувствіемъ. Всѣ симпатіи

автора обращены къ третьему періоду; 1-й и 2-й встрѣчаетъ онъ т. ск. равнодушно, а послѣдній—4-й съ негодованіемъ.

Существенные недостатки курса: а) бездоказательность положеній. Авторъ, по своей постоянной манерѣ, аподиктически высказываетъ вещи (не ссылаясь на источники), которыя не имѣютъ никакой опоры въ источникахъ и построены имъ только на догадкахъ. Напр. „Новгородцы уступили пришедшимъ изъ Скандинавіи князьямъ: Рюрику, Синеусу и Трувору—Ладогу въ землѣ Кореліи, Бѣлоозеро въ землѣ Веси, и Изборскъ подлѣ Чудскаго озера; *всѣ же остальныя владѣнія новгородскаго края непосредственно зависѣли отъ самого Новгорода и управлялись новгородскими мужами*". (Стр. 31). Откуда знаетъ это авторъ? Ссылокъ нѣтъ, да ихъ и быть не можетъ, ибо источники ничего не говорятъ объ этомъ, а о томъ говоритъ Бѣляевъ по собственнымъ соображеніямъ, придавая имъ видъ историческаго факта.—Говоря о земщинѣ въ 1-й (дохристіанскій) періодъ авторъ между прочимъ утверждаетъ: „бояре (земскіе, не дружинники) составляли [illegible] классъ общества—аристократію. Они принадлежали по происхожденію своему къ знаменитымъ фамиліямъ въ обществѣ и составляли [illegible]ренное, старшее поселеніе городовъ; они же были главными зем[illegible]адѣльцами—собственниками". (Стр. 51). И это ни на чемъ не о[illegible]новано, кромѣ аналогіи изъ позднѣйшей новгородской исторіи. Аналогія отъ явленій позднѣйшихъ къ древнѣйшимъ и отъ мѣстныхъ къ общимъ составляетъ постоянный пріемъ историка, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приводящій его къ полезнымъ и вѣрнымъ выводамъ.

б) Второй постоянный недостатокъ—сочиненій И. Д. Бѣляева, и въ частности его „Лекцій", это безразборчивое пользованіе источниками. Начать съ того, что его курсъ обходится вовсе безъ указанія источниковъ. Мы не знаемъ, пополнялъ ли этотъ недостатокъ профессоръ въ своихъ устныхъ чтеніяхъ, но ни въ литографированномъ, ни въ печатномъ его курсахъ обзора источниковъ нѣтъ. Между тѣмъ такое опущеніе не только составляетъ весьма важный пробѣлъ для слушателя и читателя, но и лишаетъ самого автора случая твердо опредѣлить для себя основанія своихъ историческихъ изысканій. Уже изъ раннихъ сочиненій И. Д. Бѣляева сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ безразлично пользуется древнѣйшими лѣтописями и недостовѣрными измышленіями книжниковъ, сагами скандинавскими и русскими былинами, какъ равно сильными источниками первой руки. Онъ разсказываетъ о Вадимѣ

Храбромъ и возстаніи новгородцевъ противъ Рюрика, не оговариваясь на счетъ сомнительности источниковъ, откуда взятъ этотъ фактъ (стр. 32). Онъ говоритъ объ устройствѣ дружины въ дохристіанскія времена съ подробностями, которыя сначала удивляютъ читателя, знакомаго съ источниками: „Дружинникъ, желающій поступить на службу къ князю, являлся къ княжему воеводѣ, который приводилъ его къ князю и дружинѣ. Князь и дружина спрашивали его, какого онъ происхожденія и какіе совершилъ подвиги, дабы по происхожденію и подвигамъ назначить ему достойную степень въ службѣ и жалованье". Читатель остался бы въ недоумѣніи и даже подумалъ бы, что авторъ нашелъ новый неизвѣстный источникъ, если бы въ слѣдъ затѣмъ авторъ не прибавилъ: „Въ *былинѣ* объ этомъ говорится такъ...." (стр. 43).—Относительно того же древнѣйшаго періода И. Д. Бѣляевъ сообщаетъ весьма полное понятіе о помѣстныхъ земляхъ. Всякому, занимавшемуся исторіею правъ землевладѣнія, извѣстно, какъ мало свѣдѣній о томъ въ источникахъ не только до X, но и до XV в. Поэтому читатель опять съ удивленіемъ находитъ эти подробности о помѣстьяхъ. „Первое упоминаніе, продолжаетъ авторъ, о помѣстной раздачѣ земель относится ко времени Владиміра". Гдѣ же это упоминаніе"? „По свидѣтельству саги Олава Тригвесона, Владиміръ далъ въ помѣстье Сигурду, дядѣ Олава по матери, большія поземельныя владѣнія"—(стр. 60). Неговоря о томъ что сага не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ особенно для исторіи частнаго права; но и въ самой сагѣ говорится о пожалованіи большихъ поземельныхъ имуществъ безъ указанія—въ собственность, или въ помѣстье; а авторъ предварилъ эту цитату весьма точнымъ понятіемъ о помѣстьѣ: „помѣстными землями назывались такія земли, которыя князь давалъ своимъ дружинникамъ на время службы, или на цѣлую жизнь, но безъ права продавать, закладывать, или передавать по наслѣдству".

Мы не утверждаемъ, что историкъ обязанъ вовсе игнорировать источники второстепенные и третьестепенные. Самый осторожный изъ русскихъ историковъ—юристовъ, К. А. Неволинъ сослался разъ или два также на саги и былины. Но онъ дѣлалъ это тогда, когда фактъ могъ быть подтвержденъ другими достовѣрнѣйшими свидѣтельствами и во всякомъ случаѣ съ оговоркою, что такое извѣстіе приводится лишь какъ вѣроятное.

Того же вопроса о помѣстьяхъ авторъ коснулся во второмъ періодѣ (стр. 123), гдѣ уже рѣшительно утверждаетъ слѣд.: „Говорятъ, что помѣстья получили начало со временъ Ивана Васильевича III, но это мнѣніе не выдерживаетъ критики. *Указанія лѣтописей* (?) свидѣтельствуютъ, что помѣстья существовали уже при Владимірѣ св.“ Тамъ онъ ссылался на сагу, здѣсь уже на лѣтописи, не указывая, по своему обыкновенію, мѣста. Да и указать его нельзя, ибо его нѣтъ въ лѣтописяхъ.—Говоря о существованіи должности стольниковъ въ удѣльный періодъ, ученый историкъ начинаетъ рѣчь такъ: „Первыя указанія на нихъ (стольниковъ) мы находимъ въ старинныхъ нашихъ *сказкахъ*, въ которыхъ говорится о стольникахъ Владиміра Святославича“ стр. 141). Конечно здѣсь авторъ разумѣетъ не сказки, а былины; но такая обмолвка весьма характерна. Онъ не затруднился бы воспользоваться и сказками, если бы въ нихъ было что-нибудь подходящее.

в) Какъ третій органическій недостатокъ трудовъ И. Д. Бѣляева вообще, и „Лекцій“ въ особенности, слѣдуетъ отмѣтить *методъ косвенныхъ выводовъ*. Образецъ неудачнаго примѣненія этого метода можно указать въ той части его „Лекцій“, гдѣ онъ излагаетъ первоначальную исторію Суздальской земли при Юріѣ, Андреѣ и Всеволодѣ. Основавшись на миѳическихъ сказаніяхъ и аналогіи, онъ признаетъ Суздальскій край исконною страною господства боярщины. Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ дѣлаетъ рядъ косвенныхъ выводовъ не только изъ неясныхъ намековъ памятниковъ, но и изъ самого умолчанія памятниковъ о чемъ либо. Напр. изъ того обстоятельства, что лѣтописи долго ничего не говорятъ объ Юріѣ Долгорукомъ, онъ выводитъ, что этотъ князь въ то время не участвовалъ въ борьбѣ южныхъ князей между собою, а занятъ былъ переустройствомъ своей Суздальщины. Утвердившись въ этомъ предположеніи онъ идетъ уже смѣло дальше, аподиктически говоря, что въ это время Юрій успѣлъ „уничтожить тамъ старые новгородскіе порядки боярскаго самовластія“ (стр. стр. 394). Если затѣмъ онъ встрѣчаетъ противорѣчія этому выводу въ дальнѣйшихъ, несомнѣнныхъ фактахъ, то это его мало смущаетъ: бояре (собственно Кучковичи) приглашаютъ на княженіе Андрея, который тоже не принимаетъ участія въ южныхъ междоусобіяхъ, „что, конечно нравилось здѣшнимъ земскимъ боярамъ, не любившимъ княжескихъ походовъ въ Придніѣпровье“. Итакъ два совершенно однородныхъ факта при Юріѣ означаютъ борьбу князя съ боярами, при Андреѣ—согласіе между ними.

Между тѣмъ вся эта исторія борьбы съ боярами ни начемъ достовѣрномъ не основана.

Но еще болѣе поразительный примѣръ такихъ косвенныхъ выводовъ (возстановленія пробѣловъ въ памятникахъ) представляетъ мнимая судьба основателя династіи московскихъ князей—Даніила. „Лѣтописи не говорятъ, какимъ образомъ и въ которомъ году онъ сдѣлался княземъ московскимъ; въ лѣтописи онъ прямо является вел. княземъ московскимъ подъ 1262 годомъ". Вотъ фактъ; а вотъ выводы историка изъ него: „По всему вѣроятію Даніилъ получилъ себѣ въ удѣлъ Москву прямо по смерти родителя (Александра Невскаго) и увезенъ въ нее еще двухлѣтнимъ ребенкомъ, воспитался и выросъ среди московскихъ порядковъ и незналъ другой жизни, кромѣ московской. Москвичи первые увидали, какъ онъ началъ ходить еще младенцемъ, какъ онъ занимался дѣтскими играми со своими сверстниками; москвичи первые услыхали его дѣтскій лепетъ и московскіе бояре были главными и постоянными его пестунами и руководителями; они на своихъ плечахъ выростили и князя и княжество.... *Это начало в. княжества московскаго въ малолѣтство князя стараніями московскихъ бояръ положило свою печать на всю послѣдующую исторію Москвы и очевидно было причиною послѣдующаго величія Москвы.* (стр. 403).

При такихъ пріемахъ изслѣдованія трудно ожидать твердости и вѣрности въ *выводахъ*. Начнемъ съ главнѣйшаго.

Одно изъ самыхъ важныхъ понятій, постоянно стоявшихъ на знамени славянофильства, есть *община*. Но до какой степени неясности достигаетъ это понятіе у лучшихъ представителей славянофильства, доказываетъ изданный нынѣ курсъ И. Д. Бѣляева. Подъ общиною онъ разумѣетъ все, что, по его мнѣнію, не вытекаетъ изъ понятія *рода*. Т. обр. онъ создаетъ его отрицательнымъ путемъ: что не родъ, то община. Съ первыхъ же стр. курса начинается примѣненіе указаннаго термина: „Общинное вѣчевое устройство у славянъ проникло во всѣ стороны общественной жизни. Каждое племя является союзомъ городовъ, городъ является союзомъ улицъ, улица—союзомъ семействъ" (стр. 7). „Существованіе городовъ есть уже явный признакъ общиннаго быта; городская жизнь, на какой бы степени развитія она ни была, не можетъ быть не общинная, ибо съ нею не разлучно первое и главное условіе общинности—жить вмѣстѣ и управляться одною властью, общею силою поддерживать укрѣпленія города, защищать городъ, имѣть общія улицы

площади, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами; безъ сихъ условій нельзя представить городской жизни, а эти условія и представляютъ главныя начала общинности, отрицающія родовой бытъ въ самыхъ его основаніяхъ и составляющія корень и основанія всякаго общественнаго развитія". (стр. 9). Здѣсь понятіе общины смѣшано съ понятіями общественной и государственной жизни вообще. „Жить вмѣстѣ и управляться одною властью „можетъ" и должна всякая форма общества, въ томъ числѣ и родовая. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же въ понятіе общины включены и признаки, взятые изъ области гражданскихъ отношеній и затѣмъ явленія вполнѣ безразличныя для права, бытовыя: „защищать городъ", „быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами". — Далѣе понятіе общины въ частноправномъ отношеніи также полно неопредѣленности; сюда подводится какъ общинная собственность, такъ и частная: „Земля составляла принадлежность цѣлаго общества и каждый членъ его имѣлъ право владѣнія и пользовался безъ права отчужденія. Такой порядокъ владѣнія возможенъ только при общинномъ устройствѣ". Читатель полагаетъ, что лишь въ этомъ общинномъ пользованіи землею и заключается все понятіе общины въ частноправномъ смыслѣ, но съ удивленіемъ узнаетъ, что и частная собственность въ такой же степени свидѣтельствуетъ о присутствіи общинныхъ началъ. Пв. Дм. Бѣляевъ продолжаетъ: „Во второмъ видѣ земля составляла полную собственность владѣльца съ правомъ отчуж ,енія. Такой порядокъ владѣнія возможенъ только при общинномъ устройствѣ. Въ родовомъ бытѣ земля принадлежитъ цѣлому роду, и члены его пользуются ею". (стр. 11). Итакъ частная собственность не можетъ существовать при чистыхъ родовыхъ формахъ, слѣд. она есть явленіе общиннаго строя! Къ такимъ странностямъ можетъ приводить полемическій пріемъ изслѣдованія. — Общиною называются и корпораціи, даже временные торговые караваны (стр. 54).

Иногда значеніе общины съ точки зрѣнія государственнаго права опредѣляется тѣснѣе, но отнюдь не становится отъ того точнѣе и опредѣленнѣе. „Памятники (2-го періода) постоянно и ясно свидѣтельствуютъ, что слободы, села и деревни черныхъ людей всегда имѣли общинное устройство *т. е. свои вѣча и сходки*, и своихъ начальниковъ.. Кромѣ того они имѣли общинныя сотни, управлявшіяся сотниками, избиравшимися изъ своей среды". (стр. 55). Здѣсь подъ общиною (въ смыслѣ государственнаго права) разумѣется самоуправляющееся общество

и повидимому единственнымъ признакомъ общины служитъ именно самоуправленіе. Но эта мысль, какъ видно изъ предъидущаго, крайне не выдержана въ курсѣ.

Иногда къ признакамъ общиннаго быта причисляются факты, не относящіеся ни къ общинѣ, ни къ роду, до того страннымъ образомъ, что читателю остается только удивляться. „*Всего яснѣе*, говоритъ Ив. Дм. Бѣляевъ, общинное устройство земщины выступаетъ въ статьяхъ Русской Правды объ опекѣ, потому что 1) если она признаетъ опеку, то прямо отрицаетъ этимъ родъ (!): при родовомъ устройствѣ быта дѣти никогда не остаются сиротами". Не говоря уже о томъ, что и при родовомъ устройствѣ можетъ оказаться круглый сирота, именно когда остается малолѣтнимъ послѣдній представитель рода,—не говоря объ этомъ, вообще сиротою, требующимъ опеки, бываетъ малолѣтній, неимѣющій отца. „2) Самый порядокъ учрежденія опеки, продолжаетъ авторъ, прямо отстраняетъ всякое участіе и авторитетъ рода, потому, что опека *поручается міру, общинѣ*". Этого уже совсѣмъ нѣтъ въ Русской Правдѣ, какъ указываютъ дальнѣйшія слова самого Бѣляева: „По закону Русской Правды имѣніе передается опекунамъ, а также сдается опекунами по прекращеніи опеки не при родственникахъ, а при посторонникъ свидѣтеляхъ. Члены рода или родственники не имѣютъ даже преимущественнаго права быть опекунами". Это само собой разумѣется, если выше сказано, что опека *поручается міру, общинѣ* Однако въ самомъ дѣлѣ, кому по Русской Правдѣ принадлежитъ опека надъ малолѣтнимъ? По Русской Правдѣ опека прежде всего принадлежитъ женѣ умершаго... Послѣ же матери опека принадлежитъ отчиму, и только въ такомъ случаѣ, когда дѣти умершаго не имѣютъ ни матери, ни отчима, опека надъ ними поручалась близкимъ *родственникамъ*". (стр. 163—164). Такъ разрушаетъ авторъ въ концѣ свое собственное построеніе. Міра или общины въ качествѣ опекуна не оказывается; опека сдается родственнику (мать не опекунша, а мать) предъ *людьми*, т. е. свидѣтелями;—будутъ ли то родственники, или неродственники—Русская Правда не опредѣляетъ; да это рѣшительно все равно.

Такимъ образомъ читатель не можетъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ общинѣ ни въ государственномъ, ни въ частно-правномъ смыслѣ. Онъ лишь догадывается, что предъ изслѣдователемъ носился неопредѣленный образъ нынѣшней великорусской

общины—міра съ прибавкою многихъ государственныхъ правъ, нынѣ уже не принадлежащихъ ей.

Между тѣмъ это понятіе есть краеугольный камень славянофильскихъ воззрѣній, тотъ узелъ, изъ котораго исходятъ всѣ историческія построенія этой школы какъ въ исторіи государственныхъ учрежденій, такъ и въ исторіи частнаго права.

Очевидно, что мы не можемъ себѣ составить яснаго понятія объ этихъ построеніяхъ, если даже исходный пунктъ ихъ такъ неясенъ.

Въ самомъ дѣлѣ относительно государственнаго устройства древней Руси Славянофильская школа выработала положеніе: русская государственность основана самимъ русскимъ народомъ, а не заимствована имъ и не навязана ему. Слѣдовало ожидать что въ цѣльной исторіи права эта мысль найдетъ себѣ отчетливое выраженіе, что здѣсь мы будемъ имѣть исторію русскаго государства, исходящую изъ національныхъ основъ, а не изъ случайныхъ фактовъ прибытія чужеземныхъ князей и т. п. Объ этомъ нельзя было составить никакого понятія изъ прежнихъ трудовъ П. Д. Бѣляева, по этому мы съ нетерпѣніемъ ожидали выхода въ свѣтъ лекцій, надѣясь въ нихъ найти болѣе ясное и связное изображеніе русскаго государственнаго устройства въ его историческомъ развитіи. Нужно сознаться, что мы вновь ошиблись въ ожиданіяхъ.

Въ „Лекціяхъ“ мы находимъ по прежнему „дружину“ и „земщину“ съ отдѣльнымъ устройствомъ каждой. Находимъ много вѣрныхъ замѣчаній о каждой; но не находимъ ихъ взаимнаго отношенія, т. е. того государственнаго порядка, который сложился на Руси съ прибытіемъ князей, и съ котораго возникло государственное право московскаго періода, сохраненное въ существенныхъ основаніяхъ въ періодѣ имперіи.—Въ частности, относительно земскаго устройства находимъ слѣдующія очень вѣрныя замѣчанія (на стр. 49): „Городъ старшій въ странѣ считался господствующимъ, и пригороды, и селенія, какъ выселки старшаго города, находились въ отношеніи подчиненія и зависимости (вѣроятно: въ отношеніи къ нему въ состояніи подчиненія и зависимости); старшій городъ управлялъ всею страною и былъ представителемъ *племени* (?), пригороды же, находясь въ подчиненіи старшему городу, въ тоже время имѣли значеніе центровъ для селеній, которыя тянули къ нимъ“.

Но эта вѣрная мысль брошена мимоходомъ, безъ указанія связи ея съ прочими главными явленіями государственнаго устройства древнѣйшихъ временъ. Она не приведена въ связь съ значеніемъ древнѣйшей княжеской власти и т. н. раздѣленіемъ Руси на удѣлы. Свое понятіе объ удѣлахъ историкъ излагаетъ въ старомъ періодѣ (стр. 101—105) и дал.). Здѣсь онъ не признаетъ удѣльными мѣстныхъ князей до христіанской эпохи, которые, по его мнѣнію, имѣли еще характеръ *служилыхъ*, потому что не принадлежали къ Рюрикову роду, а были дружинниками—пришельцами изъ Скандинавіи, или старыми князьями славянскихъ племенъ, уже утратившими свою самостоятельность и получившими владѣнія уже изъ рукъ вел. князя кіевскаго и вполнѣ отъ него зависѣвшими" (стр. 102). Удѣлы начинаются со временъ сыновей Владиміра, однако и тогда не вполнѣ выразился еще характеръ удѣльной системы, потому что каждый изъ князей былъ „отдѣльнымъ самостотельнымъ государемъ даннаго владѣнія". Тогда еще не представляется и „слѣда какого-либо закона объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому князю. Удѣльные князья въ собственномъ смыслѣ этого слова являются не прежде, какъ по смерти Ярослава" (стр. 103). Итакъ, по мнѣнію автора, удѣльный порядокъ противоположенъ 1) подчиненію, зависимости одного князя отъ другаго, 2) полной независимости князей другъ отъ друга. Эти повидимому противорѣчивыя положенія примиряются, по его мнѣнію, въ томъ идеалѣ государственнаго устройства, который выразился въ завѣщаніи Ярослава I. Самостоятельныя владѣнія удѣльныхъ князей связываются, однако, въ одно цѣлое сыновнимъ послушеніемъ удѣльныхъ князей великому, общими и частными княжескими съѣздами и договорами.

Изъ этого смѣшенія подчиненности и независимости вытекало бы нѣчто весьма напоминающее феодальную систему; однако авторъ спѣшитъ заявить, что удѣльные князья не были подручниками или феодалами вел. князя, но владѣли своими удѣлами также независимо, какъ и великій князь. Между удѣльными князьями нѣтъ и слѣдовъ подчиненности великому князю, есть одни только родственныя отношенія и какихъ служебныхъ"... „Каждый изъ удѣльныхъ князей былъ совершенно самостоятельнымъ владѣльцемъ своей области" (стр. 104). Такъ читатель безъ цѣли переходитъ отъ понятія независимости къ понятію зависимости и обратно. Древній государственный строй остается вполнѣ неразгаданнымъ. Изо всей этой исторіи выдѣляются только слѣд.

положенія: до Святополка „кіевскій князь *былъ главою и судьею удѣльныхъ князей*“; во время Святополка онъ потерялъ это значеніе, въ замѣнъ котораго явились *общіе съѣзды князей*, которые наконецъ смѣнилось *частными съѣздами и договорными отношеніями*.—Здѣсь проскользаетъ федеральная теорія Н. И. Костомарова, но въ крайне неразвитомъ и спутанномъ видѣ.

Но оставимъ въ сторонѣ удѣльную систему саму въ себѣ; въ ней не трудно заблудиться и опытному изслѣдователю. Спрашивается, въ какомъ отношеніи стоитъ она къ земскимъ началамъ государственнаго устройства, которыя, мимоходомъ, навѣрно опредѣлены И. Д. Бѣляевымъ (какъ сказано выше)? Въ какомъ отношеніи удѣлы, или правильнѣе княжества находятся къ власти старшихъ городовъ надъ пригородами? Совпадаетъ ли такой союзъ городовъ съ удѣломъ, или нѣтъ,—не образовался ли послѣдній изъ перваго? На всѣ эти вопросы тщетно ищемъ отвѣта въ книгѣ И. Д. Бѣляева. Онъ говоритъ *объ отношеніи князей къ народу и къ землѣ*—(стр. 116), но разумѣетъ вездѣ лишь личныя отношенія, пріязненныя или непріязненныя. Народъ по здравому смыслу и по опыту ясно сознавалъ необходимость княжеской власти и свято ее уважалъ, но по причинѣ частой перемѣнѣ князей онъ долго не могъ привязаться ни къ одному княжескому дому“.—(ibid.). Историкъ забываетъ, что рѣчь идетъ не о Владимірѣ или Всеволодѣ, даже не о маномаховичахъ и ольговичахъ, а о княжеской власти въ отношеніи ея къ территоріи и правамъ населенія.—Впрочемъ въ одномъ мѣстѣ авторъ такъ сказать обмолвился общимъ принципіальнымъ положеніемъ слѣдующаго рода: необходимымъ слѣдствіемъ этого порядка княжескихъ отношеній (т. е. мнимаго осѣданія князей современъ Андрея Боголюбскаго въ своихъ отчинахъ) было появленіе нѣсколькихъ центровъ, къ которымъ стали примыкать сосѣднія владѣнія отдѣльныхъ князей; *такимъ образомъ появилось нѣсколько союзовъ*: черниговскій волынскій, галицкій, смоленскій, суздальскій; явилось нѣсколько федерацій, въ которыхъ всѣ союзные князья тянули къ старшему“ (стр. 118). Итакъ *союзы* появились лишь въ XII в., отъ случайнаго примѣра Андрея Боголюбскаго. При чемъ же тутъ древнѣйшія союзы старшихъ городовъ съ пригородами, или они исчезли въ до историческое время? Отсюда ясно, что основ принципъ отношеній княжествъ къ землямъ понятъ и представленъ славянофильства въ томъ же ошибочномъ видѣ, какъ истолковываетъ его и про-

тивоположная теорія. По этой, а м. б. и по другимъ причинамъ, авторъ умалчиваетъ о вѣчевой власти въ отношеніи къ княжеской (кромѣ Новгорода и Пскова), хотя мы видѣли, что въ своемъ понятіи объ общинѣ, ставитъ вѣче въ основу древне-русскаго государственнаго строя.

Рѣшенія остальныхъ вопросовъ древнѣйшаго государственнаго устройства не слѣдуетъ искать въ разбираемыхъ „Лекціяхъ". О пріемствѣ княжеской власти говорится напр. такъ: „тамъ не было никакой опредѣленной формы наслѣдованія" (стр. 114); преемство" колебалось между правомъ наслѣдованія сыновьями послѣ отца (?) и установившимся обычаемъ наслѣдовать братьямъ послѣ братьевъ, *къ прямой обидѣ дѣтей* умершаго (!), съ явнымъ насиліемъ и борьбою. Къ этому еще присоединилось *право* выбора народнаго; а еще болѣе *право сильнаго*" (стр. 113). Стоило ли историку права говорить о подобныхъ правахъ. Если историкъ наталкивается на эпоху, или народъ безправный, то прежде всего нужно отказаться отъ попытки писать исторію права этой эпохи, или такого народа.

И любимый періодъ П. Д. Бѣляева, періодъ московскій, не далъ ему повода къ уясненію основныхъ началъ русскаго государственнаго права. Здѣсь авторъ ограничивается подробнымъ фактическимъ изложеніемъ успѣховъ расширенія московскаго государства, и вмѣстѣ державной власти московскихъ царей (стр. 389—381), довольно блѣднымъ очеркомъ населенія—жителей московскаго государства (стр. 481—497) и администраціи (499—515). Здѣсь оставлены безъ упоминанія всѣ дѣйствовавшія тогда начала кромѣ самодержавія; о существованіи и дѣятельности земскихъ соборовъ упоминается въ началѣ изложенія 4-го періода. Идеи Бѣляева о значеніи земскихъ соборовъ въ „Лекціяхъ" выступаютъ съ большею опредѣленностію, чѣмъ въ его „Рѣчи". Во все продолженіе царствованія Михаила Ѳеодоровича всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по указу государеву и по соборному приговору, такъ что власть государя стояла рядомъ съ властію общества, съ властію всей русской земли, почти постоянно присутствовавшей на земскихъ соборахъ въ Москвѣ, въ лицѣ своихъ выборныхъ людей" (стр. 568).

Казалось бы, не въ періодѣ реформъ можно ожидать у нашего автора уясненія коренныхъ основъ русскаго государственнаго строя, т. е. въ тотъ періодъ, въ который по общему ученію славянофиловъ

совершилось напротивъ значительное уклоненіе отъ этихъ основъ. Однако оказывается не то. Именно здѣсь, путемъ отрицанія отчасти уясняется то, что не было уяснено положительно въ предшествующихъ бесѣдахъ. Здѣсь нашъ добродушный авторъ выступаетъ публицистомъ—обличителемъ и достигаетъ даже значительной высоты ѣдкаго негодованія. Нужно, знать, что его исторія государственнаго права доведена до вступленія на престолъ Екатерины II, а потому мы имѣемъ передъ собою лишь ту эпоху ломки, противорѣчій и обоюднаго раздраженія, которая начала только при Екатеринѣ смѣняться организаторскою государственною дѣятельностью.

А потому общій тонъ сатиры и негодованія, повидимому совсѣмъ неприличный въ ученой исторіи права, не кажется читателю вполнѣ неумѣстнымъ. Предметомъ обличенія автора служатъ не только антипатичныя для него мѣры временъ Петра I, Меншикова и Бироновщины, но и самое русское общество, которое, по его словамъ дошло и доведено до высшей степени деморализаціи и апатической тупости нравственнаго чувства.

О самыхъ реформаторскихъ мѣрахъ онъ умалчиваетъ, очевидно цѣня ихъ не по содержанію, а по способу ихъ проведенія въ жизнь. Очевидно онъ не цѣнилъ формъ европейской цивилизаціи, внѣдряемыхъ азіатскими средствами.

Здѣсь-то отрицательнымъ образомъ и уясняется идеалъ государственнаго порядка, исповѣданный И. Д. Бѣляевымъ въ частности и его школою вообще: это строгое уваженіе къ власти основанное на свободномъ сознаніи и чувствѣ и соединенное съ самодѣятельною помощію власти со стороны общества.

Въ исторіи государственныхъ формъ допущено много частныхъ фактическихъ погрѣшностей, которыя всѣ не могутъ быть указаны и исправлены въ нашемъ этюдѣ. Ограничимся указаніемъ важнѣйшихъ. Терминъ: „мужъ“ означаетъ будто бы одинаково и князей и бояръ (стр. 44); вѣче существовало будто бы только у нѣкоторыхъ племенъ (стр. 51); купцы временъ Олега и Игоря признаются особеннымъ сословіемъ, „если можно такъ выразиться“ (стр. 53); купцы странствовавшіе въ Византію, называются послами отъ купцовъ (стр. 54); изгоями называются люди, не имѣющіе опредѣленной доли земли (стр. 56); полюдье признается поголовною податью (стр. 61 и 121); уголовные штрафы на всякія преступленія, между проч. за воровство, раз-

ваны вирами (стр. 62); признается существованіе вѣнчанія князей на княжество, какъ постоянный обрядъ со времени принятія христіанства (стр. 100); „тысяча“ (наименованіе округа (напр. „Сновская тысяча“) признается владѣніемъ, приписаннымъ должности тысяцкаго; названіе класса жителей: „пистужницы“ принято за названіе особаго вида налоговъ (стр. 196) вольные слуги смѣшаны съ дворянами (несвободными стр. 307); уѣзды смѣшаны съ удѣлами, станы съ волостями (стр. 317—318); новгородскія „воло; сти“ (колоніи) тоже что „вотчины“ (стр. 320); Слово „приказъ“ (наслѣдованіе по завѣщанію) изъясняется какъ legatum (стр. 360); коллегія судебныхъ докладчиковъ въ В. Новгородѣ придумана для того, что бы давить меньшихъ людей (стр. 365); говорится, что въ Ростовской землѣ не жилъ ни одинъ рус. князь до Юрія Долгорукаго (стр. 390); званіе гостя признается *выборно-общественнымъ* (стр. 491), Пушкарскій приказъ будто бы встрѣчается въ 1-й разъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ (с. 501); Холопій приказъ будто бы учрежденъ при царѣ Ив. Васильевичѣ (стр. 501); власть намѣстниковъ и воеводъ „была почти одна и таже“ (стр. 504); излюбленные головы смѣшаны съ губными старостами“ (стр. 505); частные управители имѣній смѣшаны съ государственными областными правителями (стр. 511); должность губнаго старосты будто-бы учреждена царемъ Иванъ Васильевичемъ около 1556 г. (стр. 513). И много (очень много) другихъ.

Главный предметъ „Лекцій“ законодательные памятники изложены точнѣе. Но результаты этого подробнаго изложенія для науки весьма незначительны. Авторъ, какъ сказано выше, ограничивается пересказомъ содержанія памятниковъ почти въ томъ же порядкѣ какъ нашелъ его въ самыхъ памятникахъ (почему историческій прогрессъ понятій процессуальнаго уголовнаго и гражданскаго права совсѣмъ скрывается отъ читателя). Собственно же исторіи источниковъ права мы не имѣемъ въ „Лекціяхъ“ И относительно исторіи памятниковъ допускаетъ такія гипотезы (въ видѣ несомнѣнныхъ положеній), которыя отнюдь не могутъ быть усвоены наукою. Напр. о „Законѣ Судномъ“ (или т. н. „Судебникѣ царя Константина“) онъ говоритъ: „Законъ былъ *изданъ Владиміромъ* вмѣстѣ съ его уставомъ (церковнымъ), или по крайней мѣрѣ въ слѣдъ за нимъ“. Однако далѣе и тотчасъ самъ же говоритъ: „несомнѣнно, что Судный Законъ чисто греческаго происхожденія... но онъ былъ составленъ не для Грековъ... Надобно думать, что онъ былъ составленъ *Греками* для

Русскихъ..., или можетъ быть *для Болгаръ*“ (стр. 209—210). Какимъ же образомъ могъ *издать* его Владиміръ св.?

Русскую Правду онъ признаетъ законодательнымъ актомъ Ярослава, даннымъ въ 1019 г. Новгороду; лишь „впослѣдствіе съ разными измѣненіями она перешла въ Кіевъ и другія владѣнія Руси“ (стр. 223). Здѣсь онъ твердо держится буквы лѣтописи, стараясь устранить тѣ противорѣчія, въ которыя вводитъ буквальный смыслъ лѣтописи. Но способы устраненія ихъ очень неловки: Русская Правда, по лѣтописи, дана Новгородцамъ въ награду какъ льготная грамота; но извѣстно, что въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ льготъ ни вообще, ни спеціально новгородскихъ. Бѣляевъ замѣчаетъ по этому поводу, что „въ Русской Правдѣ, въ первой редакціи, нѣтъ и помину о пошлинахъ въ пользу князя“ (стр.224).Однако во 2-й редакціи именно Ярославу приписанъ „урокъ“ о судебныхъ пошлинахъ; это не смущаетъ автора; онъ утверждаетъ, что Ярославъ назначилъ пошлины въ другихъ областяхъ; но освободилъ отъ нихъ Новгородъ, хотя въ статьѣ объ урокѣ ни мало не указывается на какія-либо мѣстныя ограниченія этого закона. Все это полно противорѣчій и натяжекъ.

Въ анализѣ содержанія древнѣйшей Русской Правды допущены ошибочныя положенія; напр. Ярославъ оставилъ роту въ одномъ только случаѣ—если обиженный былъ Варягъ или Колбягъ. Это, вѣроятно потому, что ни въ Скандинавіи, ни въ Помераніи (?) не было введено христіанство и потому Ярославъ не хотѣлъ подчинить Варяговъ и Колбяговъ христіанскимъ законамъ“ (стр. 232). Рота допущена въ Русской Правдѣ (послѣд. редакціи) во многихъ случаяхъ для гражданъ, не только для иностранцевъ. При томъ извѣстно изъ точныхъ словъ лѣтописи, что въ Кіевѣ еще во времена Игоря „мнози Варязи быша христіане“—Изъ нарѣчія *впереди* („переди“) созданъ чиновникъ—*переда* (стр. 235).—Различіе умышленности и неумышленности дѣяній приписано безъ доказательствъ и основаній вліянію Суднаго Закона.—Терминъ для выраженія неумышленности дѣянія истолкованъ неправильно; такимъ терминомъ признано слово: „разбой“ (стр. 236—237).—Указанія на „вирное устройство“ будто бы существуютъ еще въ договорѣ Олега и Игоря, именно о томъ, что по Олегову договору несостоятельный преступникъ, отдавъ все, долженъ поклясться, что ему некому помочь. Это какъ разъ доказательство противнаго (стр. 237).—Утверждается, что по Русской Правдѣ пеня за воровство, совершенное шайкою была

болѣе значительная, чѣмъ за воровство одиночное (стр. 239); между тѣмъ какъ Русская Правда именно уравниваетъ продажу за то и за другое.—Отсутствіе статьи о порчѣ межей въ Ярославовой Правдѣ объясняется тѣмъ, что въ этомъ пунктѣ признавались дѣйствующими постановленія Суднаго Закона,—между тѣмъ тотчасъ же говорится, что тѣлесное наказаніе, положенное за это преступленіе въ Судномъ Законѣ „несогласно съ русскимъ духомъ“ (стр. 239).

Составъ пространной Правды (которую авторъ называетъ „Правдою XII в.“) изложенъ на основаніи произвольныхъ гипотезъ, которыя однако, безъ оговорокъ, выдаются за несомнѣнные факты; а именно Ярославу и его дѣтямъ приписывается только одна первая ст., между тѣмъ, какъ все содержаніе двухъ предшествующихъ Правдъ вошло въ третью—пространную, частію съ измѣненіями и дополненіями (стр. 241). Она считается отдѣльнымъ законодательнымъ памятникомъ до той статьи, предъ которой стоитъ заглавіе: „А се уставилъ Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ“; вслѣдъ же за этимъ заглавіемъ нѣсколько статей, произвольно выдѣленныхъ, признаются отдѣльнымъ уставомъ Мономаха (стр. 249), хотя дознано, что заглавіе относится къ одной статьѣ о процентахъ. Затѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ памятниковъ ука зываются въ Правдѣ (опять безъ указанія основаній): „Узаконенія послѣ Монамахова Устава“, „Законы Русской Правды о наслѣдствѣ и опекѣ“, „Законы о холопствѣ“. А нѣкоторыя добавочныя статьи Русской Правды отнесены къ монгольской эпохѣ,—при чемъ мотивы такого переноса ихъ въ монгольскую эпоху весьма наивны; напр. статья „Суднымъ кунамъ росту нѣтъ“ могла, по словамъ И. Д. Бѣляева, „появиться въ законодательствѣ только тогда, когда въ самомъ обществѣ, довольно сильно развита эта необходимость брать въ долгъ, а эта необходимость была особенно сильна во время татарскаго владычества, когда для уплаты татарской дани русскій народъ долженъ былъ прибѣгать къ займамъ“... (стр. 329). Статьи о приплодѣ „могли быть заимствованы отъ народа кочеваго, преимущественно занимающагося скотоводствомъ, а такимъ народомъ были монголы, которымъ, конечно, для болѣе точнаго сбора дани нужно было высчитать число головъ скота въ Россіи“ (?) (стр. 329). Нужно знать, что въ Русской Правдѣ нѣтъ исчисленія головъ скота въ Россіи (да и нигдѣ нѣтъ свидѣтельствъ о такомъ исчисленіи), а исчисляется приращеніе и не только скота, но пчелъ, а также заработная плата

рабочихъ; по поводу опредѣленія этой послѣдней самъ авторъ замѣчаетъ: „статьи о доходахъ отъ земледѣлія свидѣтельствуютъ, что во время татарскаго владычества земледѣліе на Руси приняло опредѣленныя и правильныя формы“ (стр. 330). Итакъ и скотоводство—промыслъ кочевыхъ варваровъ, и земледѣліе признаются ad libitum явленіями, развившимися въ татарскую эпоху и вызвавшими извѣстные законы.

Въ разсказѣ о законодательныхъ памятникахъ московскаго періода во все нѣтъ исторіи памятниковъ; а содержится только анализъ ихъ содержанія, причемъ опять допущены многія уклоненія отъ истины. Напр. Судебники, говоря о судебныхъ поединкахъ, (Суд. 1-й, ст. 52) предписываютъ, чтобы стороны, выставляющія наемныхъ бойцевъ, сами цѣловали (принимали присягу предъ битвой). Ив. Дм. Бѣляевъ, напротивъ, говоритъ: „дозволялось выставлять на поединокъ вмѣсто себя наймитовъ, но ихъ наймиты предварительно обязаны были цѣловать крестъ“ (стр. 521).—

Дальнѣйшее послѣ Судебниковъ движеніе законодательства излагается не по Указнымъ книгамъ приказовъ, какъ велось въ дѣйствительности, а по отдѣльнымъ узаконеніямъ (б. или м. важнымъ указамъ), куда между прочимъ включено и обширное разсмотрѣніе Стоглава.— Здѣсь также допущены разныя ошибки; напр. „Указъ о холопахъ“. былъ изданъ въ 1597. По нему всѣ кабальные холопы, въ прежнее время полусвободные люди, были почти сравнены съ полными холопами или рабами“ (стр. 554). Указовъ о холопствѣ дано было не мало (а не одинъ указъ 1597 г.); совокупность ихъ составляетъ цѣлую Указную книгу приказа холопьяго суда. О кабальныхъ людяхъ законъ молчалъ вовсе до ук. 1597, который слѣд. не могъ ни отягчить, ни облегчить ихъ участи.

Въ исторіи составленія Уложенія допущено обстоятельство почти чудотворное; а именно: „Уложеніе 3 окт. 1648 г. было прочтено сперва предъ государемъ и его думою, а потомъ въ Отвѣтной Палатѣ предъ съѣхавшимися въ Москву выборными людьми“ (стр. 655). Очень бельшая книга прочитана въ одинъ день два раза въ послѣдовательномъ порядкѣ! Этимъ совершенно искажается исторія утвержденія Уложенія. Объ источникахъ Уложенія сказано между прочимъ, что составители Уложенія въ порядкѣ расположенія главъ имѣли образцами Литовскій Статутъ и Законъ Судный Людемъ“ (стр. 656). Нужно особенноо пристрастіе къ этому послѣднему памятнику, весьма незначи-

тельному по содержанію и по вліянію на наше право, чтобы увидѣть слѣды его даже въ Уложеніи. Между тѣмъ о Лит. Статутѣ, какъ источникѣ Уложенія, болѣе ничего не сказано.

Послѣдующее движеніе законодательства изложено съ достаточною подробностію до времени Петра (и особенно Писцовый Наказъ 1684 г.). Но о важнѣйшемъ памятникѣ Петровскаго Законодательства—Воинскомъ Уставѣ (3-мъ отд.) сказано буквально только слѣд.: „3-е отдѣленіе воин. устава составляетъ краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжебъ; оно состоитъ изъ трехъ частей: въ 1-й говорится о судѣ и судьяхъ, объ истцѣ, отвѣтчикѣ и повѣренныхъ, во 2-й о суд. доказательствахъ,—въ 3-й части о судебныхъ приговорахъ“ (стр. 712). И только.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что „Лекціи“ И. Д. Бѣляева могутъ служить только историческимъ памятникомъ одной изъ пройденныхъ степеней русской культуры, что никакого практическаго значенія, само собою разумѣется,онѣ имѣть немогутъ (напр. не могутъ служить замѣною учебника по исторіи русскаго права въ университетахъ). Тѣмъ не менѣе большое опасибо тѣмъ, которые содѣйствовали появленію этихъ „Лекцій“ въ печати; онѣ во многомъ выясняютъ предъ нами одно изъ главнѣйшихъ направленій русской образованности текущаго столѣтія.

Въ виду тойже цѣли не малую услугу обществу оказалъ бы тотъ, кто взялъ бы на себя трудъ изданія полнаго собранія сочиненій, И. Д. Бѣляева, разсѣянныхъ во множествѣ періодическихъ изданій; изъ нихъ не всѣ извѣстны и доступны даже спеціалистамъ; а между тѣмъ нѣкоторыя не утратили и нынѣ своего значенія въ наукѣ.

М. В. Будановъ.

Кіевъ. 1879 мая 2-го.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1879 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Въ университетской типографіи.

2007059694